

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

С. С. Салычев

Каковы место и роль социал-демократии в современном мире? Каковы перспективы ее развития? Ответу на эти вопросы посвящен опубликованный в 1975 г. сборник «Письма и беседы»¹, в котором руководители крупнейших социал-демократических партий: ФРГ — В. Брандт (СДПГ), Австрии — Б. Крайский (СПА) и Швеции — У. Пальме (СДПШ) — характеризуют идейные принципы современной социал-демократии, ее отношение к капитализму, к буржуазному государству, ее стратегию и тактику. Значение публикации определяется в первую очередь положением ее авторов, которые возглавляют партии, задающие тон в Социалистическом интернационале. Высказывания В. Брандта, Б. Крайского и У. Пальме вполне авторитетно выражают новейшие тенденции в политике и идеологии современной социал-демократии.

За последние более чем полвека социал-демократия преодолела значительную эволюцию вправо. До второй мировой войны социал-демократические партии открыто отстаивали реформизм, но еще ссылались на марксизм, разумеется, соответствующим образом ревизованный. В послевоенное время они официально порвали с марксизмом. Социал-демократические лидеры и идеологи выдвинули в качестве руководства в политике концепцию «третьего пути», отличного как от реального социалистического, так и от капиталистического. Поскольку реальность классовой борьбы не дает подобной возможности, то в политической практике эти партии сделали выбор в пользу капитализма. Во Франкфуртской декларации Социнтерна (1951 г.) говорилось: «Социалисты заявляют о своей солидарности со всеми народами, живущими в условиях фашистской или коммунистической диктатуры»². В этой формуле коммунизм выступает как большая угроза, нежели капитализм, а следовательно, оправдывается любое сотрудничество с буржуазными партиями на антикоммунистической платформе.

На рубеже 50-х — 60-х годов социал-демократические лидеры развернули под лозунгом «деидеологизации» кампанию за отказ от социалистических идеалов и от какого-либо цельного мировоззрения. «Деидеологизация» призвана была закрепить зависимость социал-демократии от буржуазной политики. Социал-демократические лидеры полагали, что курс на «деидеологизацию» вполне соответствует общим тенденциям капиталистического развития. Тогдашние экономические успехи капитализма и благоприятные для развития производительных сил перспективы научно-технической революции служили в их глазах достаточно веским основанием для вывода о том, что социально-политическая стабильность капитализма будет неуклонно возрастать, что классовая борьба обречена на затухание и что в таких условиях социал-демократия сможет приспособиться наилучшим образом к развитию, если от-

¹ W. Brandt, B. Kreisky, O. Palme. Briefe und Gespräche, 1972 bis 1975. Frankfurt a/M.— Köln. 1975 (далее: «Briefe und Gespräche»).

² SFIO. «L'Internationale socialiste». P. (6r), p. 29.

бросит ставший обременительным идейный багаж социалистического движения.

Однако вопреки этим прогнозам во второй половине 60-х годов капиталистический мир вступил в полосу невиданных по масштабам и остроте массовых движений протеста. Отступление политики «холодной войны» в пользу международной разрядки подтачивало «священное единение» социал-демократического руководства с буржуазией, то самое «единение», которое замораживало классовую борьбу во имя сохранения «атлантической солидарности». С ослаблением «холодной войны», констатирует Б. Крайский, «начался процесс политической дифференциации»³, что вновь выдвинуло вопросы идеологии на первый план. При этом социал-демократическому руководству пришлось столкнуться с небывалым усилением левых настроений в рабочем и демократическом движении, огромным ростом интереса самых широких масс к марксизму и в целом к социалистическим идеалам. Иными словами, «деидеологизация» оказалась в прямом противоречии с социально-политической реальностью.

Необходимость пересмотра идейно-политических установок социал-демократии властно вмешивалась в самые прагматические расчеты социал-демократических лидеров, побуждая их шаг за шагом отступать от привычных догм «холодной войны». В 1962 г. конгресс Социнтерна считал нужным подчеркнуть: «Нельзя допускать, чтобы враждебность к коммунизму выливалась в поддержку фашистских, реакционных и феодальных режимов»⁴. В документах Социнтерна апология агрессивного Североатлантического блока уступила, наконец, место призывам «сделать решительные шаги в направлении разрядки и сотрудничества»⁵. Возглавляемое социал-демократами правительство ФРГ внесло свой вклад в улучшение отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Финские социал-демократические лидеры активно содействовали подготовке и успешному завершению работы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Социал-демократическое правительство Швеции оказало существенную дипломатическую поддержку борьбе вьетнамского народа за свое освобождение.

В 1972 г. бюро Социнтерна вынуждено было снять запрет на сотрудничество с коммунистами, предоставив социал-демократическим партиям «свободу рук»⁶. Это решение отражает весьма противоречивые процессы в социал-демократическом движении. Во Франции, Италии, Финляндии, где действуют влиятельные коммунистические партии, усилились левые тенденции в политике социал-демократических партий, наблюдается прогресс в деле сближения всех сил рабочего движения. Напротив, в ФРГ, Англии, Австрии социал-демократические лидеры заметно активизируют борьбу против коммунизма и коммунистических партий. Однако инициаторам антикоммунистических кампаний приходится сталкиваться с сильным сопротивлением со стороны повсеместно возросших в социал-демократических партиях левых течений. Вопрос об отношениях с коммунистами был в центре дискуссий на состоявшихся в 1976 г. конференциях социал-демократических партий в датском городе Хельсингёре и в Париже.

Новые положительные тенденции в политическом курсе оказывают соответствующее воздействие и на идеологию социал-демократического движения. На смену лозунгу «деидеологизации» пришли призывы к «реидеологизации» социал-демократии. Генеральный секретарь Социнтер-

³ «Rote Markierungen». Wien. 1972, S. 7.

⁴ Socialist International. «The World Today... The Socialist Perspective». L. (6r), p. 11.

⁵ «Socialist Affairs», May—June 1971, p. 107.

⁶ См. «Socialist Affairs», June—August 1972, p. 113.

на Г. Яничек заявил, что социал-демократия нуждается в «новой идеологической концепции роли и целей социал-демократии в странах развитого капитализма»⁷. Само возрождение интереса к идеологическим проблемам, социалистическим целям движения создает более благоприятную обстановку для развития левых течений, усиливающихся в большинстве социал-демократических партий. Однако, включившись в кампанию по «реидеологизации», социал-демократические лидеры придают ей сугубо антикоммунистический характер. Типичной в этом отношении является попытка У. Пальме сконструировать модернизированный вариант «третьего пути». У. Пальме предлагает следующую схему. В мире господствуют две «сверхдержавы»: США и СССР. В течение многих десятилетий эти две системы (США и СССР) представляли собой главные альтернативы. Они экспортировали свои образцы в Западную Европу, и борьба между сторонниками этих двух вариантов занимала авансцену социально-политической борьбы, которая к тому же была чревата опасностью термоядерной войны. Ныне две «сверхдержавы» пришли к пониманию необходимости стать на путь мирного сотрудничества. Ни капитализм США, ни социализм Советского Союза не смогли осуществить свои цели. Западной Европе следует сделать выводы из этого. Во внешнеполитическом плане она должна научиться сотрудничать с обеими «сверхдержавами». А в плане внутривнутриполитическом «Западная Европа должна освободиться, наконец, от обеих систем мышления»⁸, что и откроет ей «третий», социал-демократический путь. По У. Пальме, освободившись от СССР и США, Западная Европа сможет, наконец, осознать свою паневропейскую сущность, которая заключается в социал-демократизме, в то время как капиталистическая эксплуатация, политический гнет, реакция и т. п. принадлежат к неевропейским явлениям.

Шведская социал-демократия известна своим прагматизмом и «не любовью» к теории, и поэтому для У. Пальме не составляет особого труда зачеркнуть марксизм и всю западноевропейскую социалистическую мысль. Поражает, однако, то, что ни В. Брандт, ни Б. Крайский, представляющие партии, как будто бы склонные к теории, не произнесли ни слова против концепции У. Пальме. Вот почему идею «паневропейского социализма» нельзя воспринимать только как плод оригинальничанья У. Пальме. Конечно, на самом деле ни он, ни его коллеги не намерены превращать социал-демократию в еще одну разновидность паневропейского движения. Однако указанный факт свидетельствует по крайней мере о том, что В. Брандта и Б. Крайского не интересует теоретическая обоснованность концепции «третьего пути» и что, по их мнению, рассуждения У. Пальме ничем не хуже других самых разнородных обоснований этой концепции. Важно само признание «третьего пути».

Естественно, возникает вопрос: реален ли вообще «третий путь»? Общественная практика не дает никаких доказательств в его пользу. Социал-демократическим правительствам, шедшим этим путем, нигде так и не удалось открыть перспективу социалистического развития. «Ни в одной из стран, где социал-демократы находятся (иногда в течение многих лет) у власти, им не удалось преобразовать экономический строй. Именно скандинавские страны дают нам наилучший и нагляднейший пример этого»⁹, — признавал в свое время генеральный секретарь СФИО Ги Молле.

В свое время виднейший лидер социал-демократии О. Бауэр писал: «Реформистский социализм есть не что иное, как неизбежная идеология рабочего класса на определенной ступени его развития, когда

⁷ «Socialist Affairs», May 1972, p. 101.

⁸ «Briefe und Gespräche», S. 94.

⁹ «Le Nouvelle Observateur», 28.X.1968, p. 24.

рабочий класс еще недостаточно силен для того, чтобы свергнуть капиталистический общественный порядок, но когда он достаточно силен, чтобы успешно использовать демократические институты в борьбе за повышение своего жизненного уровня в рамках капиталистического общества»¹⁰. Многие из нынешних социал-демократических лидеров охотно соглашались с подобным определением. По словам социал-демократических идеологов и политиков, «реформистский социализм» имеет то преимущество, что, приспособляясь к капиталистическому развитию и одновременно защищая интересы рабочего класса, он не требует от последнего тех жертв и лишений, с которыми сопряжена революционная борьба.

Однако опыт классовой борьбы опровергает эти утверждения. За все достижения «реформистского социализма» рабочий класс расплачивается тем, что неразрывно связывает свои интересы с превратностями капиталистического развития. Цена этой расплаты была сравнительно невелика, пока капитализм развивался по восходящей линии, но резко возрастает по мере превращения капитализма в основное препятствие на пути к общественному прогрессу. В результате «реформистский социализм», который вначале отражал лишь слабость рабочего класса, последовательно превращается в препятствие революционному, а затем и демократическому развитию.

В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции реформистские лидеры социал-демократии уверяли, будто их борьба против революционных выступлений масс была подчинена интересам защиты демократии. После второй мировой войны они заявляли, что интересы демократии требовали отказа от социалистических целей. Так, в 1951 г. Ги Молле утверждал, что перед социалистами была дилемма: «Либо стать соучастниками большевиков в ликвидации республиканского режима во имя того, чтобы не делать никаких уступок в нашей программе и в нашем учении... либо, наоборот, для защиты республики пойти на то, чтобы выглядеть в глазах определенной части общественности и иногда наших же товарищей людьми, изменяющими нашей основной цели, самому смыслу нашей деятельности»¹¹. И поныне социал-демократические лидеры на упреки в отходе от социалистических целей отвечают, что этого-де требуют интересы защиты демократии.

В социал-демократическом словаре реформизм давно уже стал синонимом демократичности, революционность — недемократичности. В буржуазной и социал-демократической литературе широкое распространение получила легенда, будто после Октябрьской революции в России Э. Вандервельде и К. Каутский отстаивали «демократический» путь революционного развития против «недемократического» пути большевиков. Историческая реальность решительно отличается от этого мифа. Именно В. И. Ленин был наиболее решительным противником элитарных концепций революции «сверху», совершающейся в условиях ограничения демократии. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что не партия, а народ совершает революцию и что только качественное расширение демократии способно обеспечить успех социалистической революции¹². Э. Вандервельде, К. Каутского и других социал-демократических лидеров фактически не устраивала именно демократичность революционного процесса. К. Каутский не был принципиальным противником использования насилия. «Насильственные акты,— писал он,— неизбежны, если совершается насилие с целью подавить демократию. На насилие всегда отвечают насилием». К. Каутский возражал не про-

¹⁰ O. Bauer. Zwischen zwei Weltkriegen? Die Krise der Weltwirtschaft, der Demokratie, des Socialismus. Bratislava. 1936, S. 318.

¹¹ «SFIO. 43-e Congrès national (Compte-rendu stenographique)». P. 1951, p. 55.

¹² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 12, стр. 227—329; т. 39, стр. 330; т. 41, стр. 77, 80—82.

тив использования революцией насилия, а против передачи народу политической власти. «Большевики... перешли после разгона Учредительного собрания к тому, чтобы из Совета, который был до тех пор боевой организацией одного класса, сделать государственную организацию. Они уничтожили демократию...»¹³.

Как правые, так и центристские лидеры социал-демократии утверждали, что передача народу политической власти может создать угрозу обществу. Их опасения были порождены глубоким, чисто элитарным недоверием к народным массам. «Мы считаем,— заявлял Л. Блюм,— что в условиях нынешнего капиталистического общества было бы безумием полагаться на неорганизованные массы»¹⁴. Социал-демократические лидеры полагали, что политическую власть можно доверить только социал-демократическим партиям, но никак нельзя допускать к власти неорганизованные массы. К. Каутский обвинял революционное крыло социал-демократии в «безответственном доверии» к неорганизованным массам, которые он презрительно называл «улицей», состоящей из невежественных и корыстных элементов общества. Установление власти «улицы», по словам К. Каутского, «означало бы не что иное, как унижение революции. И такое унижение было бы преддверием полного развала»¹⁵.

Это высокомерие по отношению к народным массам привело К. Каутского и других реформистских лидеров социал-демократии в контрреволюционный лагерь. В Ноябрьской революции 1918 г. в Германии К. Каутский видел две силы: вооруженных пролетариев и «безоружное гражданское население»¹⁶. Первые, по его мнению, выступали против вторых. В состав «безоружного гражданского населения» входили: политически наиболее отсталая часть трудящихся, неспособная к самостоятельной политической борьбе, мелкобуржуазные обыватели и буржуазия, обладавшая всеми средствами принуждения, во много раз превосходившими средства принуждения вооруженного пролетариата. На выборах контрреволюционные партии получили большинство голосов. Однако морально-политический авторитет буржуазии был настолько подорван, что, даже победив на выборах, она не могла рассчитывать на то, чтобы воодушевить массы на борьбу в защиту ее целей, тогда как революцию защищал вооруженный народ. Чтобы выполнить «волю, выраженную на выборах», министр-социалист Г. Носке формирует «свободный корпус» из монархических и реакционно настроенных офицеров, которые, потопив в крови выступления рабочих Берлина, продемонстрировали на деле, как выглядит «законное» насилие буржуазного государства в защиту «демократии». Зрелище было настолько отталкивающим, что побудило многих социал-демократических политиков и идеологов сурово осудить поведение германской социал-демократии. «Германские социал-демократы,— писал, например, видный теоретик английского лейборизма Д. Коул,— заботились значительно больше о сохранении старого общества, чем о создании подлинно нового строя, и в силу этого они предали революцию и способствовали полному краху республики»¹⁷.

В 1930-х годах в недрах буржуазной демократии зародился фашизм, а средства парламентской борьбы оказались бессильными противостоять его развитию. Все сколько-нибудь серьезные победы над фашизмом были одержаны посредством внепарламентской массовой борьбы. Весьма поучительными в этом плане были события во Франции

¹³ К. Каутский. Диктатура пролетариата. Екатеринбург. 1919, стр. 40.

¹⁴ «SFIO. XVIII Congrès national (Compte-rendu stenographique)». P. 1921, p. 263.

¹⁵ К. Каутский. Проблемы пролетарской революции. Пгд. 1919, стр. 24.

¹⁶ Там же, стр. 23.

¹⁷ D. H. Cole. Communism and Social-Democracy. 1914—1931. Vol. IV, pt. II. L. 1958, p. 893.

в феврале 1934 года. 6 февраля 1934 г. демонстрации фашистских банд настолько запугали парламент, что тот, несмотря на то, что в нём большинство принадлежало депутатам левых партий, утвердил ставленника реакции Г. Думерга в качестве главы правительства. Однако через шесть дней, 12 февраля, прошедшие по всей стране антифашистские демонстрации свели на нет победу реакции. Победив в парламенте, фашистская реакция потерпела поражение на улице.

После окончания второй мировой войны в социал-демократической литературе широко обсуждался опыт антифашистской борьбы. Обращалось, в частности, внимание на то, что зависимость социал-демократических партий от буржуазной политики серьезно ослабила их способность к антифашистской борьбе в условиях, когда буржуазные партии стали делать ставку на фашистскую реакцию. Указывалось на пагубное влияние раскола рабочего класса. В этой связи допускалось немало клеветнических инсинуаций в адрес коммунистов. Вместе с тем социал-демократы не могли уйти от вопроса: почему коммунисты, на которых они смотрели как на злейших врагов демократии, оказались самыми стойкими защитниками демократии и национальных интересов? Было немало признаний того, что в целом коммунистическое движение доказало свою неизмеримо большую по сравнению с социал-демократией способность отстаивать демократию в тяжелейших условиях антифашистской борьбы, когда верность демократии приходилось доказывать своей кровью и самой жизнью. Д. Коул вынужден был признать, что в целом политическая мораль коммунистического движения оказалась намного выше социал-демократической и что коммунисты проявили «неизмеримо большую верность идеалам и готовность идти на жертвы»¹⁸. Эти признания, несомненно, свидетельствуют об известной ограниченности демократических потенций реформистской политики социал-демократического движения.

Роль же революционного течения в борьбе за социалистические и демократические цели неуклонно возрастает. Теперь уже невозможно отрицать, не покидая почвы реальности, достижения Советского Союза и его огромное воздействие на весь ход классовой борьбы в мире. В середине 30-х годов один из убежденнейших противников Октябрьской революции, О. Бауэр, вынужден был под влиянием этих достижений признать: «В центр исторической концепции должен быть прежде всего поставлен важнейший факт послевоенной истории — факт победоносного развития социализма в СССР, — писал он. — Следует преодолеть мешанские вульгарно-демократические предубеждения против Советского Союза, которые все еще существуют в реформистском социализме»¹⁹. Огромное впечатление на мировое общественное мнение оказал решающий вклад Советского Союза в спасение мировой цивилизации от нацистской чумы и авангардная роль коммунистов в антифашистской борьбе.

Создание ракетно-ядерного оружия в Советском Союзе вызвало примечательную реакцию многих видных западных политиков. «Отныне создаются наилучшие перспективы для обеспечения мира»²⁰, — заметил, например, видный лидер французских социалистов Ж. Мок. И это высказывание не было единичным.

Социал-демократические лидеры вынуждены были признать, что даже реформистские достижения самой социал-демократии были бы намного скромнее, не будь Октябрьской революции и примера социалистического строительства в Советском Союзе, и что страх буржуазии перед коммунизмом и социализмом в Советском Союзе побудил господствующие классы к уступкам рабочему движению.

¹⁸ D. H. Cole. *Socialism and Fascism. 1931—1939*. Vol. V. L. 1960, p. 28.

¹⁹ O. Bauer. *Op. cit.*, S. 326.

²⁰ J. Moch. *En retard d'une paix...* P. 1958, p. 127.

Невозможно переоценить значение Великого Октября и социалистического строительства в развитии политического сознания и борьбы международного пролетариата. Пытаясь не замечать этого, социал-демократические политики и идеологи нередко оказываются в нелепом положении. Ныне они утверждают, что выдвигаемая ими программа установления «экономической и социальной демократии» есть последнее достижение социал-демократической мысли, которое позволяет преодолеть «ограниченность» революционной политики. Между тем конкретные пункты этой программы, в частности планирование, экономика, национализация, производственная демократия, законодательное закрепление основных социальных прав трудящихся, представляют собой пересказ лозунгов, которые родились в рабочем движении под прямым воздействием Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР. Об этом достаточно много пишется не только в марксистской, но и в буржуазной литературе. Например, профессор права Парижского университета Ж. Бюро подчеркивал: «Формула социальных свобод появилась после войны 1918 года как следствие политических и социальных преобразований, затронувших Европу»²⁰. «Вклад» социал-демократических теоретиков выразился лишь в том, что они обкорнали реальную революционную программу, отбросив задачу завоевания пролетариатом политической власти, которое только и обеспечивает осуществление этой программы.

Многолетний опыт классовой борьбы свидетельствует об ограниченности реформизма, особенно рельефно выступающей на фоне того реального вклада, который революционное течение в рабочем движении внесло в борьбу за демократию и социализм.

Но если исторический опыт предостерегает против переоценки демократических потенций социал-демократической политики, то теоретические аргументы в пользу «демократического социализма» внушают еще меньший оптимизм. Каков социал-демократический идеал общества? Изложение социал-демократическими лидерами этого идеала способно озадачить самого невзыскательного человека. Оказывается, будущее, которого добиваются эти лидеры, не несет человечеству каких-либо новых идейных, экономических или политических принципов. Социал-демократические лидеры обещают сделать более справедливыми и гуманными нормы буржуазного общества и решительно бороться с коммунистическими идеями.

Правда, в частных находках нет недостатка. Так, В. Брандт, характеризуя идейные принципы социал-демократии, сообщает об удивительном достижении западногерманской социал-демократии, которая, приняв в 1959 г. Годесбергскую программу, стала, наконец, партией «идейной свободы» и сделала тем самым, как он утверждает, новый шаг на пути развития демократии. В. Брандт имеет в виду, что СДПГ объявила себя свободной от какого-либо мировоззрения. Нельзя сказать, чтобы Б. Крайский и У. Пальме проявили восторг по этому поводу. У. Пальме даже заметил, что немного идеологии не повредило бы социал-демократии. Но в целом принципиальных возражений с их стороны не последовало. Да и не могло быть, ибо возражать В. Брандту значило бы выступить против принципа «нейтральности» в идеологии, который после второй мировой войны взят на вооружение социал-демократией²¹.

Между тем напрашиваются серьезные возражения против рассуждений В. Брандта об «идейной свободе» в партии и против самого принципа «нейтральности» в идеологии. В. Брандт и другие социал-

²⁰ G. Burdeau. *Traité de science politique*. T. VI. P. 1956, p. 463.

²¹ В декларации учредительного Франкфуртского конгресса Социалистического интернационала подчеркивается: «Социализм — это международное движение, которое не требует строгого единства взглядов» (SFIO. «L'Internationale socialiste», p. 27).

демократические лидеры совершенно нехотят вспоминать в данном случае о демократии. Ни одна политическая партия не свободна от идеологии, ибо она не может действовать, не руководствуясь теми или иными воззрениями. Фразы о недемократичности самого принципа идейного единства партии могут вызвать лишь недоумение. Ведь партия — добровольное объединение единомышленников, и как таковая она имеет полное демократическое право принимать только единомышленников. Отказ принять в партию лиц, придерживающихся иных воззрений, не ущемляет никаких демократических прав, не представляет собой посягательства на свободу мышления. Так что в этом смысле «идейная свобода» — фикция. И в то же время В. Брандт умолчал о двух вполне реальных аспектах «идейной свободы». Поскольку в обществе, в котором действует СДПГ, господствует буржуазная идеология, то и провозглашение «идейной свободы» партии, то есть безразличия к воззрениям ее членов, означает идейное разоружение перед буржуазной идеологией. Последняя автоматически становится господствующей и в самой этой партии.

У концепции «идейной свободы», означающей отказ от конечных целей движения во имя сиюминутных выгод, свободу от идеалов социалистического движения, есть и моральный аспект. У этой «свободы» имеются и другие названия: прагматизм, цинизм и тому подобное. Напротив, строгость революционной партии в вопросах мировоззрения означает идейность, верность идеалам, конечным целям борьбы рабочего класса.

Нежелание В. Брандта спускаться с философских высот на землю объясняется просто. Ведь именно социал-демократическое правительство ФРГ провело через бундестаг закон «о запрете на профессию». Отныне от службы в государственных учреждениях может быть отстранено любое лицо, взгляды которого, по мнению государственных чиновников, недостаточно благонадежны. «Цель этого постановления, — пишет журнал «Stern» (1975, № 49), — отстранить от государственной службы «противников конституции», прежде всего коммунистов... Крайне правые, например, в эту категорию практически не попадают»²². По свидетельству того же журнала, члены неонацистской партии НДП не увольняются со службы. В. Брандт, восторгаясь «идейной свободой» в СДПГ, ни словом не обмолвился о возведении на уровень государственной политики «охоты за ведьмами».

Коммунисты, как и все подлинные демократы, будут решительно бороться против всяких попыток гальванизации духа и практики маккартизма.

В сфере социально-экономической авторы сборника «Письма и беседы» намечают довольно широкую программу реформ. Поддерживая традиционные экономические требования трудящихся, они обращают внимание на ряд новых направлений борьбы, новых проблем. Так, они вполне правомерно подчеркивают, что капиталистическое общество платит слишком высокую цену за материальный прогресс: изнашивание человека и природы. Нельзя не согласиться с выводом: «Если мы хотим надолго качественно улучшить условия жизни, нужно начать с отношений в сфере труда»²³, — а также с тезисом о том, что «рыночная экономика» не может удовлетворительно решить проблему защиты окружающей среды. Эти положительные аспекты программы деятельности социал-демократических партий могут составить реальную платформу для сотрудничества социал-демократов и коммунистов.

Однако лидеры большинства социал-демократических партий, в том числе и авторы упомянутой публикации, отвергают такую перспективу, выдвигая против сотрудничества с коммунистами самые различные до-

²² Цит. по: «За рубежом», 1975, № 1.

²³ «Briefe und Gespräche», S. 58.

воды. Фактически же их не устраивают революционные цели коммунистов, которые противоречат социал-демократическому курсу на приспособление, а не на ликвидацию капиталистических законов экономического развития. Отношение авторов сборника к капитализму лучше всего иллюстрируется высказыванием В. Брандта: «Должны ли мы в нашем районе земного шара отказаться от выгод рыночной экономики (в тех областях, где об этом можно говорить серьезно) и взять на себя риск создания экономики, управляемой из одного центра? Я думаю, что весь наш зрелый опыт говорит против того, чтобы мы вступили на такой путь, и за то, чтобы мы и дальше и в возможно более всеобъемлющем размере развивали силы рынка и конкуренции»²⁴. Не так уж часто можно услышать теперь от социалиста столь безоговорочную поддержку концепции «свободного предпринимательства». Ведь ныне и буржуазия готова признать необходимость ограничения действия сил «свободного рынка». Видимо, почувствовали некоторую неловкость и коллеги В. Брандта. У. Пальме, например, заметил, что все же «силами, действующими на рынке, следует управлять»²⁵. Б. Крайский также признал необходимость установить контроль над экономикой. Но в целом У. Пальме и Б. Крайский были шокированы скорее резкой формой, чем содержанием. В конце концов сам Б. Крайский убежден, что требование К. Маркса об «экспроприации экспроприаторов» ныне совершенно неприменимо²⁶.

Нюансы рассуждений на эту тему не меняют сути дела. Ведь главное ясно. Руководители крупнейших социал-демократических партий Европы в принципе против ликвидации капиталистической собственности, они твердо выступают за сохранение законов «свободного рынка» (при некоторых различиях во взглядах на степень ограничения действия этих законов). Нельзя считать случайностью тот факт, что в программной декларации Социнтерна «Мир сегодня... Социалистическая перспектива» (1962 г.) традиционное социалистическое требование ликвидировать капиталистическую собственность заменено неопределенным пожеланием относительно расширения общественной собственности²⁷. Иными словами, «третий путь» социал-демократов не угрожает устоям капиталистической экономики.

В программных документах международной социал-демократии именно на буржуазное государство возлагается основная миссия построения «демократического социализма». «Демократический социализм достиг многого, но предстоит решить еще более крупные проблемы,— говорится в упомянутой декларации.— Нет единого метода преодоления пороков нынешнего общества. Для того, чтобы добиться справедливого распределения богатств, мы настаиваем на расширении общественной собственности и контроля, принятии законов, направленных на обуздание власти частных монополий, проведение радикальной реформы налоговой системы и защиту потребителей. Государственное вмешательство, опирающееся на демократические решения, крайне необходимо для обеспечения быстрого экономического развития, достаточно высокого уровня капиталовложений и быстрого внедрения новейших технических достижений. Это превращает экономическое и социальное планирование в главную функцию правительства»²⁸.

В. Брандт предлагает следующее определение современного буржуазного государства: «Мы должны рассматривать цивилизованное демократическое государство как организованное правовое сообщество народа, которому поручено заботиться о безопасности, свободе и спра-

²⁴ Ibid., S. 66.

²⁵ Ibid., S. 61.

²⁶ Ibid., S. 47.

²⁷ См. Socialist International, «The World Today... The Socialist Perspective», p. 7.

²⁸ Ibid.

ведливости»²⁹. Государству, стоящему, по словам В. Брандта, на страже справедливости, вручается монопольное право на использование насилия. Ставя точку над «і», У. Пальме категорически осуждает революционное насилие как якобы антидемократический, непригодный для западноевропейских стран метод, порождаемый, как он утверждает, «элитарным мышлением» коммунистов и анархистов³⁰. Поистине социал-демократические лидеры не знают границ в словесной эквилибристике вокруг понятия «демократия». С революционной традицией у современной социал-демократии сведены все счеты. В свое время Б. Крайский уже имел возможность откровенно высказаться по этому вопросу: «Революции как политические категории лишены какого-либо реального содержания. Мы должны иметь мужество признать, что общество может быть изменено только посредством непрерывной серии реформ»³¹. Реформизм объявляется гарантом демократии и столбовой дорогой к социализму; революционность — опасным для демократии и ненужным для социализма продуктом «элитарного» мышления.

Сконструированный таким образом «третий путь» социал-демократические лидеры интегрировали в общий поток капиталистического развития. В начале 1960-х годов один из руководителей голлистской партии (ЮДР), А. Шаландон, выступил с призывом: «Перед лицом марксизма — социализма прошлого и перед лицом устаревшего капитализма мы все должны построить социализм будущего — голлистский гуманизм»³². Что значит это почти дословное совпадение программы партии крупного капитала с социал-демократической формулой «третьей силы»? Случайно ли оно? Или, быть может, буржуазная партия стремится использовать в демагогических целях популярный лозунг? А возможно, и реальное совпадение существа двух концепций «третьей силы». Это последнее предположение опирается на многочисленные факты. Из идейно-политической платформы современной социал-демократии исчезли элементы принципиальной оппозиции экономическим, политическим и идейным устоям буржуазного общества. Да и прошлый опыт политики «третьей силы» изобилует примерами сотрудничества социал-демократических партий с партиями крупного капитала на антикоммунистической основе.

Не питая никаких иллюзий в отношении возможностей реформистской политики, коммунисты вместе с тем учитывают, что раскол рабочего класса серьезно ослабляет борьбу за повседневные интересы трудящихся и что в прошлом этот раскол был одним из основных факторов, затруднивших организацию отпора фашистской реакции.

Социал-демократические партии ведут за собой значительные силы рабочего класса. Имея социальную опору главным образом среди трудящихся и демократических слоев, эти партии не могут не считаться с демократическими устремлениями народных масс. Самое провозглашение социалистических целей создает в социал-демократическом движении более благоприятную, чем в несоциалистических партиях, идейную атмосферу, подготавливающую массы к борьбе за социализм. Вот почему коммунистические партии придают такое большое значение задаче борьбы за единство рабочего класса и за установление сотрудничества с социал-демократическими партиями.

В документе Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий подчеркивается: «Участники конференции приветствуют успехи в развитии сотрудничества коммунистических и социалистических или социал-демократических партий, достигнутые в ряде стран и в международном плане. Они считают, что коренные интересы рабочего клас-

²⁹ «Briefe und Gespräche», S. 15.

³⁰ Ibid., S. 22.

³¹ «Socialist Affairs», May 1972, p. 101.

³² Цит. по: «Cahiers du communisme», 1962, № 5, p. 30.

са и всех трудящихся требуют преодоления преград, стоящих на пути сотрудничества и осложняющих борьбу трудящихся масс против монополистического капитала, против реакционных и консервативных сил»³³.

Существует широкая основа для сотрудничества коммунистов и социал-демократов в борьбе за мир, за демократические свободы и права, за повседневные, в том числе и экономические, требования трудящихся. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, отмечая, что коммунисты ценят то, что было достигнуто в области контактов с социалистическими и социал-демократическими партиями ряда стран, заявил на XXV съезде КПСС: «Безусловно, об идеологическом сближении научного коммунизма с реформизмом социал-демократов не может быть и речи. Среди социал-демократов еще немало таких, кто всю свою деятельность строит на антикоммунизме и антисоветизме. Есть даже партии, где карают за общение с коммунистами. Против таких явлений мы будем вести борьбу, ибо они на руку только реакции. Однако с социал-демократами, сознающими свою ответственность за дело мира, и тем более с социал-демократическими рабочими нас могут объединить и объединяют забота о безопасности народов, стремление обуздать гонку вооружений, дать отпор фашизму, расизму и колониализму. Именно в этом плане мы проявляли и будем проявлять инициативу и добрую волю»³⁴.

Отход социал-демократического руководства от догм «холодной войны» и поиски им более реалистичной политики, направленной на улучшение отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами, улучшают перспективы борьбы за упрочение международной разрядки и ликвидацию очагов агрессии. Коммунистические партии Советского Союза и других социалистических стран неоднократно выражали готовность сотрудничать с социал-демократическими партиями на международной арене. Повсеместно расширяются возможности для налаживания единства действий коммунистов и социалистов по таким проблемам, как разрядка международной напряженности и нормализация отношений между Востоком и Западом, прекращение гонки вооружений и меры по разоружению, обеспечение безопасности в Европе, ликвидация очагов агрессии, борьба против фашистской и всякой иной реакции и т. д.

Рост политической активности масс, ослабление антикоммунистических настроений расширяют возможности сотрудничества социалистов и коммунистов в демократической борьбе. Коммунисты и социалисты Франции совместно ведут борьбу за изменение общего соотношения политических сил в пользу рабочего класса и демократических слоев населения, за приход к власти правительства демократического союза. Такие же задачи стоят перед рабочим и демократическим движением Италии и Финляндии. Бесчинства итальянских неофашистов, оживление деятельности неонацистов в ФРГ — это лишь внешние проявления глубинных политических процессов, определяющих нарастание реакционных тенденций в политике правящих кругов, что расширяет объем задач по защите демократических свобод, прав, институтов.

Наибольший прогресс в сближении рабочих сил достигнут на уровне экономической борьбы. В 1969 г. в Финляндии социал-демократические профсоюзы присоединились к Центральному объединению профсоюзов Финляндии. В Италии налажено сотрудничество трех основных профцентров, объединяющих трудящихся коммунистов, социалистов и католиков. Усиление тенденций к профсоюзному единству наблюдается во Франции, Бельгии и других странах. Интернационализация капита-

³³ «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. К итогам конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976». М. 1976, стр. 32.

³⁴ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 5. М. 1976, стр. 484—485.

ла и возрастание экономической роли многонациональных монополий побуждают профсоюзы разных стран объединять свои силы в международном масштабе.

Таким образом, создаются благоприятные условия для налаживания сотрудничества коммунистов и социал-демократов по широкому кругу социально-политических проблем, которое не только отвечает непосредственным интересам трудящихся, но и будет способствовать демократическому развитию, борьбе за мир.

Однако нельзя забывать, что за общими для коммунистов и социал-демократов требованиями скрываются различные политические линии. Отстаивая экономические интересы народа и демократические свободы, коммунисты ориентируются на развертывание классовой борьбы, опираются в основном на экономическую борьбу трудящихся и массовую политическую борьбу; социал-демократические руководители — на политику классового сотрудничества, правительство, парламент и другие буржуазно-демократические институты, отводя второстепенную роль массовой борьбе. Коммунисты указывают, что политика социалистических стран и антивоенное массовое движение прокладывают путь к мирному сосуществованию; социал-демократические руководители возлагают все надежды на НАТО. Выдвигая одни и те же лозунги, коммунисты развертывают массовую борьбу для революционного воспитания масс; социал-демократическое же руководство добивается усиления позиций реформизма. Реформисты, писал В. И. Ленин, «надеются посредством тактики единого фронта убедить рабочих в правильности реформистской и в неправильности революционной тактики. Нам нужен единый фронт, потому что мы надеемся убедить рабочих в обратном»³⁵. Принимая во внимание эту политическую реальность, коммунисты предлагают не обусловливать единство действий коммунистов и социалистов требованием предварительно ликвидировать существующие между ними идейные разногласия. Коммунисты подчеркивают, что всякие проявления нетерпимости при организации единых действий играют на руку только буржуазии, использующей идейные разногласия для того, чтобы воспрепятствовать объединению рабочих масс в их общей борьбе за конкретные требования. Подвергая острейшей критике оппортунизм и антикоммунизм социал-демократии, коммунисты стремятся не допустить того, чтобы буржуазия выступала в роли верховного арбитра в отношении их разногласий. Борясь за развитие сотрудничества на всех уровнях, поддерживая шаги по налаживанию единства «сверху», установлению сотрудничества между лидерами, коммунистические партии направляют вместе с тем усилия на организацию совместных массовых выступлений «снизу», которые, вовлекая самые широкие массы в активную борьбу за единство рабочих сил, позволили бы им сказать свое слово в разрешении идейных разногласий между коммунистами и социал-демократами.

Таким образом, борьба коммунистов за единство рабочего класса создает благоприятные условия не только для отстаивания повседневных требований трудящихся, но и для формирования самостоятельной политики рабочего движения. Демократизм политики коммунистов — не тактический маневр. Он продиктован глубокоим убеждением в том, что возрастание политической активности и политической самостоятельности масс представляет собой самое эффективное средство их революционного воспитания. В этом проявляется теснейшая взаимосвязь демократии и революции.

Напротив, социал-демократические лидеры, неизменно прокламирующие свою приверженность демократии, начисто забывают об этом, как только заходит речь о единстве рабочего класса. Провозгласив ло-

³⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 144.

зунг «идейной свободы», социал-демократические лидеры открывают все двери в свои партии для буржуазной идеологии и в то же время активно используют идейные различия для сохранения раскола в рабочем движении. Большинство социал-демократических лидеров выражает готовность сотрудничать с коммунистами только после того, как будут разрешены идейные разногласия между коммунистами и социал-демократами. О том, как они представляют себе это, свидетельствует высказывание У. Пальме, который заявил, что у коммунистов есть два выхода: остаться на позициях марксизма-ленинизма или выбрать «новый путь, связанный с традициями демократического социализма»³⁶. В первом случае У. Пальме обещает беспощадную борьбу, во втором — принятие в недра социал-демократии на условиях безоговорочной капитуляции. Лицемерными фразами о необходимости покончить с братоубийственной борьбой маскируют социал-демократические политики свою глубоко антидемократическую политику диктата в отношении коммунистов, проявляя ту самую нетерпимость, в которой они так усердно обвиняют коммунистов.

Там, где социал-демократические лидеры вынуждены идти на сближение с коммунистами, они настаивают на том, чтобы этот процесс находился под исключительным контролем «верхов» и чтобы рядовые члены партии и массы были отстранены от непосредственного участия в нем. Обращение к массам осуждается как проявление «элитизма», а фактическое отстранение масс от процесса сближения между социал-демократическим и коммунистическим движением оказывается совместимым с «истинным демократизмом».

Пресловутая демократичность политики социал-демократического руководства имеет, следовательно, достаточно жесткие пределы. Оборотной стороной их всеядности в отношении буржуазных взглядов является фанатичная нетерпимость к революционной идеологии, а претензии на монопольное право говорить от имени демократии сочетаются с глубоким недоверием к массам, отстранением их от участия в решении наиболее важных политических проблем.

Недемократичность социал-демократической политики в рабочем движении — не случайность, а отражение зависимости реформизма от буржуазной политики и идеологии. По мере повышения уровня классовой борьбы и политического сознания рабочих масс слабеет уверенность социал-демократических лидеров в своей способности навязать реформистский курс рабочему движению. Отсюда стремление антикоммунистически настроенных лидеров социал-демократии искать поддержки буржуазии в борьбе против революционного течения, претендовать на роль защитников «свободного мира» от «коммунистической угрозы». Учитывая, что наблюдающийся ныне кризис системы буржуазных идейно-политических ценностей снижает эффективность антисоветской пропаганды с открыто буржуазных позиций, правые круги социал-демократии пытаются восполнить этот пробел в буржуазной стратегии активизацией идеологической борьбы против Советского Союза с позиций своей концепции «третьего пути». Лидеры СДПГ подчеркивают, например, что поворот к международной разрядке обязывает социал-демократов усилить идейную борьбу против коммунизма. Председатель Социнтерна Б. Питерман и ряд других видных социал-демократических лидеров откровенно высказываются в пользу разжигания контрреволюционных настроений в социалистических странах, используя для этого социал-демократические идеи. В ход пускается и оголтелая антисоветская клевета³⁷. Эта готовность социал-демократических лидеров сотрудничать с буржуазией в борьбе против Советского Союза и коммунистического движения наносит рабочему движению огромный ущерб.

³⁶ «Briefe und Gespräche», S. 63—64.

³⁷ См., например, «Socialist Affairs», July—August 1975, pp. 44—46.

Социал-демократические лидеры изображают дело так, будто единство рабочего класса нужно только коммунистическим партиям, и в качестве платы за свое согласие на сотрудничество фактически требуют от коммунистов принципиальных идейных уступок. Однако удовлетворение этих требований обесценило бы само рабочее единство, поскольку реформизм обнаружил неспособность защитить интересы рабочего класса и демократии особенно в кризисной обстановке, в самые ответственные, переломные моменты исторического развития. Это значит, что восстановление рабочего единства на реформистской основе разоружило бы рабочее движение. Ныне, как никогда, актуально звучит напоминание об исторических уроках классовой борьбы.

Социал-демократические лидеры выдвигают самые изощренные аргументы против сотрудничества с коммунистами, забывая при этом о вполне реальных угрозах. В нынешнем развитии капитализма появляются весьма опасные тенденции. Кризис капиталистической экономики напоминает кризис 1930-х годов. Сгущаются тучи и на политическом горизонте, что признают и социал-демократические лидеры. У. Пальме с тревогой отмечает: «Парламентаризм в Европе находится в данный момент в состоянии хаоса. С различных сторон выражаются опасения, что с будущим демократии дело обстоит не лучшим образом». В беседе, состоявшейся 25 мая 1975 г. в Вене, У. Пальме заявил: «Многих охватило беспокойство и даже страх. Существует опасность, что этот страх может привести к развитию некоего подобия фашизма»³⁸.

В какой мере социал-демократия готова к резкому обострению социально-политической обстановки? На беседе в Вене произошел примечательный диалог. У. Пальме: «Наша задача — спасти индустриальное общество». Б. Крайский: «Это уже говорилось в 30-е годы». И несколько позже: «Интересно, что схожие исторические ситуации приводят к одинаковым выводам... В 1931 г. Фриц Тарнов произнес речь на съезде немецких социал-демократов, которая вошла в историю под названием «Врач у постели больного капитализма». В этой речи, которая подверглась нападкам со стороны левых, он пытался показать, как это делаешь и ты, Улоф, что индустриальное общество нейтрально. Капитализм не в состоянии решить проблемы индустриального общества, и потому это должны сделать социал-демократы»³⁹. Проблема, затронутая Б. Крайским, не получила решения в ходе беседы. А жаль. Зловещее повторение социал-демократическими лидерами ошибок, которые в 1930-х годах имели столь трагические последствия, должно было бы вызвать у них самую серьезную тревогу. Человечество заплатило слишком высокую цену за опыт 30-х годов и не имеет права благодушно допускать повторения прошлых ошибок.

Ориентируя рабочее движение на эволюционное развитие капитализма, социал-демократические партии обезоруживают рабочий класс перед лицом социально-политических потрясений, которые могут привести к ликвидации многолетних социальных завоеваний рабочих, а также перед лицом фашизма, угрожающего самим основам цивилизации. А эти возможности вписаны в самую логику капиталистического развития. Вот почему сотрудничество социал-демократов с коммунистами становится не только вопросом политической целесообразности, но и средством защиты интересов рабочего класса, обеспечения будущего рабочего и демократического движения.

³⁸ См. «Briefe und Gespräche», S. 90, 118.

³⁹ Ibid., S. 121.